

Крючков, И. В. Экономика Венгрии рубежа XIX—XX в. в донесениях генерального консула России в Будапеште В. Львова / И. В. Крючков // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 3. – С. 157–165.

И. В. Крючков

ЭКОНОМИКА ВЕНГРИИ РУБЕЖА XIX—XX в. В ДОНЕСЕНИЯХ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИИ В БУДАПЕШТЕ В. ЛЬОВОА

Российские дипломаты всегда тщательно подходили к анализу дел в венгерской половине Дунайской империи. Кроме традиционного сбора сведений о стране местопребывания дипломатической миссии, здесь проявлялось и несколько специфических факторов. Первое — это

Крючков Игорь Владимирович — заведующий кафедрой всеобщей истории Ставропольского государственного университета, доктор исторических наук, доцент

отношение к Австро-Венгрии, как вполне вероятному противнику, с которым рано или поздно Россия может вступить в боевые действия, что требовало наличие всесторонней информации об экономическом потенциале империи, без чего не возможно было проводить стратегическое планирование сценария возможного вооруженного конфликта с Австро-Венгрией. Отсюда военное ведомство России являлось одним из основных потребителей информации, поступающей из Генерального консульства России в Будапеште. Отметим, что военное ведомство стремилось и самостоятельно собирать сведения об Австро-Венгрии, используя контакты военно-морского и военного атташе, состоявших в посольстве России в Вене.

Территория Венгрии практически вплотную примыкала к границам Российской империи, что лишней раз актуализировало для российского политического и военного истеблишмента значимость изучения Венгрии и ее экономики. В России внимательно следили за экономическими успехами Венгрии. Венгрия являлась основным производителем продовольствия в Австро-Венгрии. В Венгрии развивались новые высокотехнологичные отрасли промышленного производства и, прежде всего, электротехническая и оборонная [1, л. 60]. Венгрия добывала полезные ископаемые, имеющие исключительное военно-стратегическое значение для воюющей страны и в данной связи Россию интересовала горнодобывающая металлургическая промышленность Венгрии. Кроме этого, в России интересовались развитием транспортной инфраструктуры страны, включая возможности порта в Фиуме. Это на прямую было связано с оценкой мобилизационных способностей Австро-Венгрии и ее армии. Венгрия в силу своего географического положения находилась между российским и балканским театрами боевых действий и от ее транспортных систем во многом зависела скорость передвижения войск империи Габсбургов.

Однако венгерская экономика привлекала внимание не только российских дипломатов и военных, но и представителей российского бизнеса. В конце XIX в. экономические взаимоотношения России и Венгрии начинают постепенно выходить из состояния ступора. И хотя их объем был еще незначителен и не соответствовал экономическому потенциалу двух стран и в Венгрии, и в России среди значительной части представителей бизнеса проявлялся взаимный интерес. Поэтому экономические круги России требовали от дипломатов полной информации о развитии народного хозяйства Венгрии.

Особое внимание к Венгрии подогревалось еще одним обстоятельством. Развитие экономик двух стран совпадало по многим позициям. Россия и Венгрия сравнительно поздно вступили на путь индустриализации, в обеих странах аграрный сектор и аграрный экспорт имели исключительное значение. И в Венгрии, и в России остро стояла задача модернизации сельского хозяйства, обе страны сильно зависели от внешних инвестиций. Уже в начале XX в. в две страны начинают учитывать опыт друг друга при проведении экономической политики. Поэтому генеральный консул в Будапеште В. Львов стремился снабдить Санкт-Петербург полной информацией об успехах и провалах венгерской экономики. Итоги 1900 г. князь В. Львов для народного хозяйства Венгрии оценивал скептически: «Никогда еще Венгрия не находилась под давлением такого гнетущего экономического положения, никогда она так глубоко не осознавала свою слабость, никогда ее состояние не было более безотраднo, и перспективы ближайшего будущего не отмечались большей мрачностью, как в момент подведения итогов истекшего года (1900 г. — *И. К.*)» [4, с. 618]. Генеральный консул выделял два среза причин такого положения дел в Венгрии. С одной стороны, это были просчеты венгерского правительства, с другой стороны, кризис в Венгрии усугублялся конъюнктурой на мировых рынках и на это обстоятельство Будапешт никак не мог влиять.

Экономический подъем в Венгрии конца XIX в., на взгляд консула, столкнулся с ограниченными способностями потребительского рынка страны. Значительная часть населения Венгрии имело низкий уровень дохода, поэтому они не выступали в качестве активных потребителей

промышленной продукции. К тому же в условиях экономического кризиса, поразившего Венгрию на рубеже XIX—XX вв., наблюдается падение уровня жизни широких слоев населения, что не могло не усугубить положение на потребительском рынке страны. Отсюда венгерская промышленность не имела больше возможностей для дальнейшего расширения производства.

Ситуация в народном хозяйстве Венгрии, по мнению Львова, осложнялось не определенностью экономических взаимоотношений Австрии с Венгрией, а также нарастанием конкуренции со стороны австрийской промышленности [1, л. 1]. В начале XX в. в Австрии нарастают антивенгерские настроения, в том числе и среди представителей австрийского бизнеса. Они смотрели на Венгрию как на иждивенца в составе Дунайской империи, так и Австрия, будучи экономическим центром империи, несла более 60 % общеимперских расходов. К тому же Вену вполне устраивало положение, когда Венгрия являлась аграрным придатком Австрии.

Все это, на взгляд консула, способствовало распространению в Венгрии идеи о полной экономической независимости королевства Св. Иштвана от Австрии. Генеральный консул в таком положении дел усматривал большую опасность единству империи. «В Австрии не хотят понять, что открытая и тайная враждебность по отношению к Венгрии должна побудить ее к радикальному разрешению высшей экономической задачи (получение полной экономической независимости Венгрии от Австрии. — *И. К.*)» [4, с. 619]. В случае разрыва Австрией и Венгрией экономического союза от этого проиграли бы обе стороны. Австрия в этом случае теряла емкий рынок для ее промышленных товаров, где конкуренция со стороны других государств была ограничена таможенными барьерами, а Венгрии лишалась выгодного рынка сбыта для своей сельскохозяйственной продукции, теряла столь необходимые ей австрийские технологии, инвестиции и кредиты. Таким образом, генеральный консул не принадлежал к числу тех политиков и дипломатов, которые полагали, что в случае получения Венгрией полной экономической независимости ее

народное хозяйство получит одни выгоды, справедливо отмечая огромные негативные последствия для венгерской экономики в случае разрыва экономических связей с Австрией.

Развал единого экономического пространства ставил под сомнение существование самой дуалистической монархии. В. Львов с пониманием относился к экономическим амбициям Венгрии. Он полагал, что Венгрия больше не может являться аграрно-сырьевым придатком Австрии, так как в мире падала доходность сельского хозяйства, европейские аграрии не выдерживали конкуренцию с сельхозпроизводителями стран «Нового света» и прежде всего с США. По поводу активного проникновения аграрной продукции из США в Европу В. Львов отмечал: «Нет никакой возможности эту обостренную конкуренцию обуздать реакционными законодательными мерами, с ней можно бороться только посредством развития производительных сил, посредством освобождения потребителей от чрезмерного податного бремени и, наконец, посредством объединения всех отраслей производства, с конечной целью экономического объединения Европы» [4, с. 620]. Отсюда индустриализация Венгрии становилась важнейшей стратегической задачей для Будапешта.

Данное высказывание генерального консула вполне можно отнести к революционным для своего времени, когда высокие таможенные пошлины и возведение других запретительных барьеров в Европе и США рассматривались как главная панацея от конкуренции с иностранными производителями. В. Львова можно по праву отнести к числу пионеров идеи европейской интеграции в российском МИДе, эти взгляды В. Львов высказывал еще не раз. В. Львов полагал, что запретительные таможенные пошлины неспособны, оздоровить экономику, только модернизация народного хозяйства и рост культурного уровня населения были способны вывести венгерскую и другие европейские экономики из кризиса. Рассуждая об индустриализации Венгрии В. Львов,

постоянно отмечал жизненную необходимость для страны модернизации ее сельского хозяйства. По его мнению, кое-что в этом направлении венгерское правительство сделало. В частности, он положительно оценивал регулирование государством трудовых отношений в аграрном секторе, строительство оросительных систем, покровительство винокуренной промышленности, расширение кредитования сельхозпроизводителей, попытка создания системы, облегчавшей сбыт аграрной продукции в Венгрии и за ее пределами, расширение бюджетного финансирования сельского хозяйства. В то же время консул писал: «...но нельзя не отметить с прискорбием, что венгерские аграрии продолжали неутомимую агитацию против других отраслей экономической жизни государства, а именно промышленности и торговли» [4, с. 620]. На взгляд, В. Львова аграрии не должны были забывать, о том, что сельское хозяйство Венгрии потерпит крах, если успехи в аграрном секторе страны не будет сопровождаться подъемом в промышленности и торговли Венгрии. Сельское хозяйство страны не могло успешно развиваться локально вне связи с другими отраслями экономики.

Мировая экономика в начале XX в. оказалась в сложной ситуации. Англо-бурская война, политическая нестабильность в Китае, волна забастовочного движения в ведущих странах Европы, угольный кризис, паника на биржах привели к дестабилизации экономической системы. В этих условиях инвесторы начинают паниковать и выводить свои активы из развивающихся экономик, в том числе Венгрии, России, стран Балканского полуострова. Венгрия принадлежала к тем странам, которые имели весьма ограниченные внутренние инвестиции, они во многом зависели в своем экономическом развитии от притока иностранного капитала, поэтому его отток в начале века больно ударил по их экономике. Отечественные инвесторы не

могли восполнить потери, связанные с бегством из страны иностранных инвесторов, с чем столкнулась Венгрия в 1900—1901 гг. «Все вышеупомянутые явления совершенно уничтожили наблюдавшееся в Венгрии влияние чужого благосостояния и накопления иностранного капитала», — писал по этому поводу В. Львов [4, с. 619].

Генеральный консул выделял и внутривенгерские факторы, приведшие экономику к глубокому кризису. Прежде всего, сюда входили внутривенгерская нестабильность и раскол правящей элиты в вопросе о путях дальнейшего экономического развития Венгрии. Здесь пересекались интересы аграриев, промышленников и представителей торгового бизнеса. При всей своей симпатии к индустриализации Венгрии В. Львов полагал, что в стране возник опасный перекоп в пользу промышленности и в ущерб интересам сельского хозяйства страны [4, с. 619].

Генеральный консул уделял большое внимание антикризисной политике венгерского правительства. Только недоумение у дипломата вызывали призывы политиков и бизнесменов Венгрии к потребителю, о необходимости приобретения только отечественных товаров. Это было, на его взгляд, абсолютно бессмысленно. Во-первых, венгерская промышленность была слабой и она не могла полностью заполнить потребительский рынок страны. Во-вторых, потребитель в своих предпочтениях на рынке ориентируется не на патриотизм, а на такие категории, как качество и цена товара.

В. Львов с большим вниманием относился к другим проявлениям антикризисной политики венгерского правительства, строительство новых промышленных предприятий, поддержка мелкой промышленности, стимулирование технического и профессионального образования рабочих, развитие морского флота, всего того, что в будущем могло привести к экономическому подъему Венгрии. Тем более для этого была одна важная предпосылка, несмотря на кризис, венгры не теряли оптимизма и веры в великое будущее своей страны [4, с. 624].

века больно ударил по их экономике. Отечественные инвесторы не могли восполнить потери, связанные с бегством из страны иностранных инвесторов, с чем столкнулась Венгрия в 1900—1901 гг. «Все вышеупомянутые явления совершенно уничтожили наблюдавшееся в Венгрии влияние чужого благосостояния и накопления иностранного капитала», — писал по этому поводу В. Львов [4, с. 619].

Генеральный консул выделял и внутривенгерские факторы, приведшие экономику к глубокому кризису. Прежде всего, сюда входили внутривенгерская нестабильность и раскол правящей элиты в вопросе о путях дальнейшего экономического развития Венгрии. Здесь пересекались интересы аграриев, промышленников и представителей торгового бизнеса. При всей своей симпатии к индустриализации Венгрии В. Львов полагал, что в стране возник опасный перекоп в пользу промышленности и в ущерб интересам сельского хозяйства страны [4, с. 619].

Генеральный консул уделял большое внимание антикризисной политике венгерского правительства. Только недоумение у дипломата вызывали призывы политиков и бизнесменов Венгрии к потребителю, о необходимости приобретения только отечественных товаров. Это было, на его взгляд, абсолютно бессмысленно. Во-первых, венгерская промышленность была слабой и она не могла полностью заполнить потребительский рынок страны. Во-вторых, потребитель в своих предпочтениях на рынке ориентируется не на патриотизм, а на такие категории, как качество и цена товара.

В. Львов с большим вниманием относился к другим проявлениям антикризисной политики венгерского правительства, строительство новых промышленных предприятий, поддержка мелкой промышленности,

стимулирование технического и профессионального образования рабочих, развитие морского флота, всего того, что в будущем могло привести к экономическому подъему Венгрии. Тем более для этого была одна важная предпосылка, несмотря на кризис, венгры не теряли оптимизма и веры в великое будущее своей страны [4, с. 624].

Сокращение строительства в Венгрии железных дорог, по мнению консула, привело к глубокому кризису металлургии и машиностроения Венгрии. Данная ситуация была обострена распадом австро-венгерского железного синдиката, что привело к обострению конкуренции в металлургии Австрии и Венгрии [4, с. 621]. Промышленный спад вел к увеличению числа безработных среди венгерских рабочих, что не могло обострить социальную напряженность в стране. Это сочеталось с падением уровня заработной платы в Венгрии и ростом стоимости жизни.

Данное обстоятельство заставило правительство Венгрии проводить активную социальную политику. Оценивая ее итоги консул писал: «Венгерское правительство в течение отчетного года (1900 г. — *И. К.*) прекрасно регулировало положение сельскохозяйственных рабочих. Что же касается фабричных рабочих, то венгерская промышленность, к сожалению, слишком слаба, чтобы принять на себя такие же тяжелые обязательства, какие лежат на промышленности в Австрии и Германии» [4, с. 620]. В. Львов в целом оценивал положительно усилия правительства Венгрии по развитию социального законодательства, что подтверждают и последующие его донесения. Однако он прекрасно понимал, что развитие социального законодательства напрямую связано с уровнем производительности труда в промышленности, любые сокра

щения рабочего дня и повышения зарплаты невозможны без выхода промышленного производства на новый качественный уровень. Неподкрепленные технологическими инновациями социальные блага ведут к краху промышленное производство любой страны, тем более таких «молодых» индустриальных стран, как Венгрия. Генеральный консул показывал разрыв в индустриальном развитии Австрии и Венгрии, поэтому Австрия в отличие от Венгрии могла проводить более решительную социальную политику, в том числе и в «рабочем вопросе».

В сельском хозяйстве урожай 1900 г. оказался весьма посредственным, не оправдав те надежды, которые возлагали на него венгерские аграрии в начале года. Он был примерно на 3 % ниже средних показателей за последние 5 лет. Все это сопровождалось низкими ценами на зерно, сложившиеся на мировом рынке и падением цен на шерсть, несмотря на некоторый их рост в конце XIX в. Правда, успехи были отмечены в производстве винограда в страны, консул особо подчеркивал высокое качество винограда в 1900 г. Такие же успехи были отмечены в производстве фруктов и овощей.

Экономическая нестабильность отразилась на развитии финансово-банковской системы страны. Дефицит платежного баланса Венгрии постоянно покрывался за счет займов и временных статей бюджета. Сбережения населения практически не росли, объемы кредитных операций будапештских банков сокращались, если на 1 января 1899 г. они составили 515 млн крон., то на 1 января 1900 г. всего 480 млн крон [4, с. 623]. Все это привело к падению курса венгерских ценных бумаг и объема сделок на венгерских фондовых биржах. Правда, среди причин биржевого кризиса, консул выделял не только экономическую нестабильность. Правительство Венгрии ввело биржевой налог и ограничило самостоятельность бирж для борьбы с биржевыми спекуляциями, что не могло также не сказаться на объемах биржевых сделок. Кризис затронул и страховой сектор страны. Несмотря на все трудности, венгерским банкам удалось избежать существенных потерь, и это во многом было вызвано действиями Государственного банка Австро-Венгрии,

который своей четкой и грамотной политикой смягчал последствия экономического кризиса и накапливал золотые резервы Дунайской империи.

В транспорте страны также происходили неоднозначные процессы. В 1900 г. выросли объемы перевозок на железных дорогах. В то же время речной флот переживал застой, а морской флот, наоборот, увеличивал объемы перевозок. Это было связано и с некоторым увеличением экспорта венгерских товаров за пределы Дунайской империи. Правда, сам торговый баланс Венгрии вызывал у консула серьезные опасения. Страна полностью зависела от экспорта сахара, угля и леса, что делало уязвимым ее позиции на мировом рынке, необходима была диверсификация венгерского экспорта, но для этого следовало развивать промышленное производство, ориентированное на производство экспортной продукции, а с этим были проблемы даже у Австрии [4, с. 621].

Большое беспокойство у венгерской элиты и у В. Львова вызвало повышение Германией таможенных пошлин на импорт венгерской аграрной продукции. В Будапеште и Санкт-Петербурге прекрасно понимали, что это приведет к обострению конкуренции российских и венгерских товаропроизводителей на рынках других европейских стран и что в этой борьбе пострадают интересы российских и венгерских аграриев. Опасался этого и Львов, доводя свои предостережения до МИДа Российской империи [1; 2].

Об интересе российской стороны к делам в венгерской экономике говорит тот факт, что Генеральное консульство в Будапеште переправило в Санкт-Петербург ежегодные отчеты министров торговли и сельского хозяйства Венгрии в парламенте страны, материалы парламентских прений по этому поводу и ряд аналитических материалов Будапештской торговой палаты за 1901 г. Причем все это шло без купюр и собственных комментариев, что повышает значимость данных документов как исторических источников.

Начавшийся 1902 год отодвинул на второй план новости экономики. Генеральное консульство в Будапеште больше интересовало межнациональные отношения в Венгрии, которые начинают обостряться. В 1902 г. в очередной раз провалилась работа сербского национально-церковного собора. Это актуализировало проблему положения южных славян в Венгрии. Венские власти активизировали свое проникновение в Боснию и Герцеговину, что также усиливало трения администрации с частью местного славянского населения. В самой Венгрии обострилась дискуссия о характере и стратегии национальной политики. Эти и другие политические события доминировали в депешах и посланиях Генерального консульства в Санкт-Петербург.

В целом в экономике Венгрии в 1902 г. В. Львов констатировал продолжение застоя, причины которого заключались в наличии трех отрицательных факторов. Первый — это чрезмерная опека государством деятельности большинства акционерных обществ и отдельных предприятий с помощью широкой системы льгот и государственных заказов, что порождало среди них иждивенческие настроения, подавляло частную инициативу и снижало конкурентоспособность. Эту точку зрения разделяли многие экономисты и политики внутри империи Габсбургов и за ее пределами. Однако правительство Венгрии боялось полностью отпустить свою промышленность в «свободное плавание», опасаясь, что она не сможет на равных конкурировать с австрийской промышленностью, не говоря уже о таких лидерах, как Германия, Великобритания и США. Кстати, в самой России ситуация в этом плане мало чем отличалась от Венгрии.

Второй фактор, столь повторяемый в отчетах такого плана — это продолжающаяся неопределенность экономических отношений с Австрией. И третий фактор, пожалуй прозвучавший впервые — провал мадьярских предпринимателей на фоне успехов их еврейских коллег. В. Львов пришел к неутешительному

выводу для мадьяр: они по всем показателям уступали евреям (предпринимательская инициатива, стремление к инновациям, отсутствие страха перед свободной конкуренцией и т. д.) [3, с. 243]. Мадьярский бизнес был мало эффективен и явно проигрывал еврейскому бизнесу. Эти рассуждения консула имели под собой веские основания. Действительно, еврейская община Венгрии в силу своих способностей, энергии, знаний заняла значительное место в экономике, культуре, социальной сфере страны, сыграв большую роль в успехах Венгрии в конце XIX — начале XX в.

В сельском хозяйстве итоги года были противоречивы. С одной стороны, в Венгрии 1902 г. выдался урожайным, и цены на продукцию сельского хозяйства при этом не упали, так как в Австрии вырос спрос на венгерский аграрный экспорт в условиях неурожая в США. Но, с другой стороны, на европейском рынке Венгрия не укрепила свои позиции, так как его заполонила дешевая продукция из России и Румынии [3, с. 244]. Итоги внешнеторговой деятель

ности Венгрии консул оценивал положительно, как и работу государственных железных дорог.

В одном из донесений Генерального консульства России в Будапеште встречаются весьма примечательные оценки перспектив развития экономических взаимоотношений между Венгрией и Россией. В своем донесении от 27 января 1902 г. князь В. Львов делал заключение, что в Австрии растет среди политиков и представителей бизнеса интерес к развитию экономических связей с Россией, но эти устремления не находили поддержки среди венгров. С одной стороны, политическая элита в Будапеште опасалась того, что развитие экономических связей с Россией может привести к охлаждению отношений с Берлином. С другой стороны, Венгрия боялась, что в условиях расширения экономических контактов двух соседних империй, она может столкнуться с жесткой конкуренцией с российской сельскохозяйственной продукцией на рынке Австрии [2; 1]. Следовательно, главную угрозу развитию добрососедских отношений между Австро-Венгрией и Россией князь В. Львов видел именно в позиции венгерского руководства и бизнеса. Кстати, эта позиция была довольно распространена не только в МИДе России, но и в общественно-политических и деловых кругах страны в целом.

Россия внимательно следила за дискуссией в Венгрии и за ее пределами о целесообразности строительства канала, соединявшего Одер с Дунаем. Кроме развития экономических связей Австро-Венгрии с Германией этот канал имел важное стратегическое значение в случае войны. Не прошел мимо внимания российского дипломата и утвержденный парламентом Венгрии план строительства железных дорог в Боснии и Герцеговине [3, с. 71]. Тем самым в консульстве очень тщательно отслеживали любую информацию о развитии транспортных артерий Венгрии и сопредельных территорий. Эту же информацию скрупулезно собирали российские дипломаты в Вене [5, с. 367—375].

Консульство уделяло в 1902 г. значительное внимание перспективам развития экономических отношений Венгрии с Боснией и Герцеговиной. Кроме отмеченного плана строительства железных дорог, что, кстати, по мнению консула, свидетельствовало о набирающих силу экономических связях Венгрии с Боснией и Герцеговиной, В. Львов констатировал факт расширения венгерского проникновения в оккупированные провинции. В частности, об этом ярко говорило увеличение венгерского экспорта в Боснии и Герцеговине с 19,8 млн крон в 1898 г. до 24 млн крон в 1900 г. [2, л. 103]. Консул в будущем прогнозировал дальнейшее развитие отношений Венгрии с Боснией и Герцеговиной.

Таким образом, Генеральное консульство России в Будапеште в 1900—1902 гг. констатировало в экономике Венгрии застой после продолжительного экономического подъема в последней трети XIX в.

Причины данного явления имели под собой как долговременные основания: неблагоприятная конъюнктура на мировом аграрном рынке, острая конкуренция со стороны австрийской промышленности, недостаток инвестиций, чрезмерное вмешательство государства в народное хозяйство, узость внутреннего рынка, так и кратковременные основания в лице неопределенности экономических отношений с Австрией, тактических просчетов венгерского правительства. В это время завершился срок действия предыдущего экономического соглашения

ния с Австрией, а по новому соглашению стороны не могли прийти к компромиссу. За исключением некоторых оценок В. Львов в целом давал объективную информацию об экономическом развитии Венгрии.

Однако он зачастую не мог разрозненные факты собрать в некую целостную систему. Утонув в деталях, консул не видел многих очевидных фактов, в том числе в принципе высокие темпы экономического развития Венгрии на рубеже XIX—XX вв., несмотря на некоторый «перегрев» экономики. В 1897 г. валовой внутренний продукт Венгрии составлял 340,41 млн крон, в 1900 г. — 371,84 млн крон, в 1901 г. — 375, 83 млн крон, в 1902 г. — 396,07 млн крон [6, с. 260]. И тем не менее данное обстоятельство ни в коей мере не умоляет достоинств информационных материалов российских дипломатов, работавших в Будапеште. До сих пор они являются важным историческим источником при изучении основных тенденций и противоречий развития венгерской экономики в эпоху дуализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Донесения князя В. Львова.
2. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 577. Донесения князя В. Львова.
3. Львов, В. Торговля и промышленность Венгрии в 1902 г. / В. Львов // Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. 1—6. СПб. : Товарищество художественной печати, 1903. С. 243—247.
4. От российского генерального консула в Будапеште // Вестн. финансов, промышленности и торговли. 1901. № 11. С. 618—624.
5. Шиллинг, М. Проект австрийских каналов / М. Шиллинг // Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. 1—6. СПб. : Товарищество художественной печати, 1901. С. 367—379.
6. Good, D. F. The Economic Rise of the Habsburg Empire (1750—1914) / D. F. Good. Berkley-Los Angeles-London : University of California Press, 1984. 309 p.

SUMMARY

This article is devoted to Russian General Consul's in Budapest (V. Lvov) perception of economic development of Hungary in the beginning of the XX-th century. The consul was skeptic with regard to the state of economic of the country and he pointed to the factors which impeded it's economic development. The political and army establishment's interest in the information of Lvov influenced the character of his reports. To a large extent Lvov's messages were tendentious and very often they didn't reflect the reality. However Lvov was able to note a number of significant processes in economic development of Hungary in the beginning of the XX-th century, which are a great interest for contemporary researchers.